

Секция 12

ПРОБЛЕМЫ БЕЛОРУССКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

УДК 82.09

«ДЕКАМЕРОН» ДЖОВАННИ БОККАЧЧО И РУССКИЙ МИФ ОБ ИТАЛИИ

Бубенцова Елена Ивановна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
литературы и межкультурных коммуникаций
Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

У каждого великого писателя есть книга, без которой он не был бы тем, кем его запечатлевают в своем сознании многие поколения читателей. Для Джованни Боккаччо такой книгой, сделавшей его знаменитым – одним из «трех флорентийских венцов» золотого века итальянской словесности (наряду с Данте и Петраркой), – стал «Декамерон» (около 1353 года).

Источником для ста новелл, вошедших в главную книгу Боккаччо, помимо популярнейшего в то время сборника «Новеллино» («Сто древних новелл», конец XIII века), послужили истории, вкрапленные в «Диалог о папе Григории», а также фаблю, агиографические апологи отцов церкви, басни, народные сказки. Однако древние сюжеты претерпели в книге Боккаччо существенную трансформацию и превратились в светские по духу рассказы о повседневной жизни ренессансной Италии.

Уже в момент своего появления «Декамерон» привлек к себе внимание читателей занимательностью сюжетов новелл, яркими образами, сочным народным итальянским языком. Но своего настоящего, вдумчивого читателя, способного по достоинству оценить как веселые, так и трагические истории, в процессе рассказывания которых «рождались язык и стиль новой европейской гуманистической культуры» книга нашла не сразу [1]. Во времена Боккаччо ее читали большей частью приезжие купцы, которых привлекало наличие в ней эротических новелл. Боккаччо не раз пытался отстоять свое творение, что нашло отражение уже в «Заключении автора» к «Декамерону» [2, с. 527]. Однако никакие, даже самые убедительные доводы, приводимые Боккаччо в защиту «Декамерона», так и не были услышаны его современниками, как, впрочем, и ближайшими потомками, безоговорочно причислившими любимое детище писателя к «неприличным книгам». И это, несмотря на то, что они уже были знакомы и с более откровенными текстами средневековых комических поэтов – Рустико ди Филиппо, Чекко Анджольери, а также весьма далекими от благопристойности новеллами Франко Саккетти («Триста новелл»).

В критике долго бытовало мнение о том, что Боккаччо в конце своей жизни отказался от любимого детища. Об этом писал, в частности, Голенищев-Кутузов, ссылаясь на письмо Боккаччо к Майнардо деи Кавальканти, написанное за два года до смерти [3, с. 461]. Однако, по мнению Р.И. Хлодовского, Боккаччо не отказался от своего детища, напротив, незадолго до смерти он собственноручно переписал свою главную книгу, собираясь, по видимому, подарить рукопись Франческо Петрарке [1]. Так или иначе, но ни до, ни после 1353 года писателю так и не удалось создать что-либо равное «Декамерону». Причиной тому вполне могло стать нежелание Боккаччо смириться с невниманием к «Декамерону» со стороны наиболее образованной читательской аудитории. Мечте Боккаччо суждено было осуществиться лишь после его смерти: «Декамерон» не только стал одной из самых издаваемых книг в Европе и был признан в начале XVI в. эталоном прозаического *volgare*, но и вошел в сокровищницу мировой литературы как «одна из самых великих и самых поэтических книг» [1].

Сегодня трудно оспаривать тот факт, что именно Боккаччо удалось создать классический тип итальянской новеллы, пер-

выми приверженцами которой в Италии принято считать Франко Саккетти и Мазуччо. И именно благодаря Боккаччо и его «Декамерону» «ситуативная предновелла» (Е. Мелетинский) стала господствующим течением художественной прозы в романской Европе эпохи Возрождения, о чем свидетельствуют появившиеся в этот период в мировой литературе произведения, написанные «в духе Боккаччо»: «Кентерберийские рассказы» Чосера («Северный Декамерон»), французский сборник «Сто новых новелл», «Гептамерон» Маргариты Наваррской, коллекция из 214 новелл Маттео Банделло, «Приятные ночи» Страпаролы, «Назидательные новеллы» Сервантеса и др. Нередкими становятся и случаи переосмысления сюжетов новелл Боккаччо согласно национальным традициям – в творчестве Шекспира, Перро, Китса, Гофмана, Тика, и др.

В немалой степени «Декамерон» Боккаччо оказался причастным и к ведущим жанровым процессам в русской литературе, особенно в первой половине XIX века – в период окончательного формирования в русской словесности универсального мифа о Флоренции, основоположниками и выразителями смыслов которого были выдающиеся флорентинцы эпохи Возрождения (Данте, Петрарка, Боккаччо). Этому немало послужил особый интерес русских авторов к Италии, проявившийся еще в XV веке, что нашло отражение в дошедших до нас письменных свидетельствах и воспоминаниях. Но своей наивысшей точки интерес образованной части русского общества к итальянской культуре (прежде всего, к Риму и Данте) достиг в первой половине XIX века (1838–1848 гг.), «когда Италия стала кровной и дорогой темой русских писателей» [4, с. 30–31], чему немало способствовала неутомимая культурно-просветительская деятельность первого русского итальяниста – К. Батюшкова. Правда, сам К. Батюшков, несмотря на его неподдельное восхищение Петраркой и Данте, больше писал о Тассо и Ариосто, что не раз вызывало недоумение у критики. Тем не менее, из писем Батюшкова к издателю (Гнедичу) мы узнаем, что на протяжении всей осени 1816 г. он все же не оставлял идеи написать очерк о Данте для «Опытов в стихах и прозе», но так и не осуществил свой замысел, пополнив, недостаточно увесистый том «Опытов» переводом «Гризельды. Повесть из Боккаччо». Перевод этот (наряду с переводом зачина книги «Моровая язва во Флоренции») был осуществлен Батюшковым к марту 1817 г. и предназначался для планировавшейся, но нереализованной работы – книги «Пантеон итальянской словесности», в которой писатель намеревался представить литературную историю Италии. Кроме «Гризельды» в эту работу должны были также войти «Пример дружества. Из Боккаччо, сказка» и новелла десятидневного дня о Тите и Джизиппе, но планам Батюшкова не суждено было осуществиться [5].

К слову сказать, переводить новеллы «Декамерона» проповал и В.А. Жуковский, в рукописях которого сохранился осуществленный в стихотворной форме около 1806 г. (в ранний период творчества) предварительный перевод отрывка, входящего к девятой новелле 5-ого дня, под заглавием «Сокол. Сказка». Но перевод этот так и остался в творческой лаборатории поэта, вероятно, потому, что, работая над ним, Жуковский следовал не за текстом оригинала, а за стихотворными переложениями Лафонтена и Гагедорна. Батюшков же подошел к передаче духа книжки итальянского писателя куда более основательно («Мне хотелось угадать манеру Боккаччо»), что свидетельствовало не только о его серьезном отношении к работе в качестве переводчика, но и о его неслучайном интересе к автору «Декамерона». И дело, по-видимому, не только том, что в первые десятилетия XIX столетия концепция «трех флорентийских венцов» пользовалась непререкаемым авторитетом и, изучая Петрарку и Данте, Батюшков не мог пройти мимо Боккаччо (уже в статье 1815 г. имена Данте и Боккаччо Батюшков поставил в один ряд с именем Петрарки) [5]. Будучи человеком

проницательным и чутким ко всяким новым явлениям, Батюшков также не мог не заметить и того, как органично вписывается «Декамерон» – эта единственная (но главная) книга, с которой Боккаччо вошел в сознание не только западноевропейского, но и русского читателя, – в ведущие жанровые процессы русской литературы первой половины 19 века. Дело в том, что жанровая форма «Декамерона» (книга новелл, повествовательный цикл), напрямую соотносящаяся со сказочно-мифологическими мотивами универсального флорентийского мифа, явилась «символично-метафорическим изводом» (М. Гребнева) одного из трех его главных концептов («круга, сада и цветов») – концепта флорентийского круга [6]. Неудивительно, что интерес русских писателей к «Декамерону» – А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и др., неизменно оформлявших свои новеллы по принципу циклизации, – наиболее явственно проявился именно в отношении к его форме. Тот же интерес мы можем наблюдать и у автора «Русского Декамерона 1831-го года» В.К. Кюхельбекера, «дерзнувшего» назвать свою книгу «Десятиглавом» лишь потому, что и в его «Русском Декамероне» 10 глав. В целом же упоминаний о Боккаччо и его книге не так много. Редки и скупы они и в русской литературной критике того времени, зачастую появляясь лишь в связи с обширными рассуждениями о Данте, как, например, это происходит в анонимной статье о стихосложении (позднее атрибутированной С.Г. Домашневу), опубликованной в майском номере журнала «Полезное увеселение» (1762 г.), печатавшемся при Московском университете. Правда, наряду с первым упоминанием о Данте, мы находим в ней, по всей видимости, и первое упоминание о Боккаччо, что следует из комментария Голенищева-Кутузова по поводу французской формы имен великих итальянцев, упомянутых в вышеозначенной заметке: «Судя по французской форме имен (например, Петрарка – Петрарх, Боккаччо – Бокас), автор статьи сведения свои почерпнул из французских источников» [3, с. 457].

Мало сведений о Боккаччо и его книге можно извлечь и из статей и воспоминаний тех, благодаря кому миф о Флоренции как эталоне европейского средневекового города и квинтэссенции представлений о средневековой жизни был перенесен на русскую почву – А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.И. Буслаева и даже К. Батюшкова. Так, например, Пушкин, который по свидетельству его современников, имел представление об итальянском языке и, вероятно, даже говорил на нем, научившись ему в Одессе, где часто бывали итальянские негодяи, упоминает о Боккаччо всего лишь дважды. Первый раз как об авторе, имеющем отношение к жанру сказки, в заметке «О новейших блюстителях нравственности» (1830); второй – в «Опровержении на критики» (1830) [7]. Сведений о том, что он читал «Декамерона» в оригинале, нет. Можно лишь предположить, что Пушкин наверняка был знаком с переводами из «Декамерона», осуществленными Батюшковым. Между тем, к Боккаччо исследователи достаточно часто возводят ряд произведений поэта, особенно его «маленькую трагедию» «Пир во время чумы» (1830). Дважды упоминает о «Декамероне» и Ф.И. Буслаев. Первый раз – в воспоминаниях 40-х гг. XIX в., где описывается церковь Санта Мария Новелла во Флоренции, как церковь, «в которой во время страшной чумы, постигшей Италию в XIV столетии, собрались веселые собеседники Боккаччиева «Декамерона»» [8, с. 220]. Второй – в более поздних размышлениях о Флоренции (1864 г.), где дается описание не только церкви, но и самой площади Марии Новеллы, какой она представляла взору путешественника в XIV в., «во времена самого Боккаччио» [4, с. 323]. Что же касается Гоголя, то даже малейшие попытки определить какие-либо явные генетико-типологические связи между ним и Боккаччо неизбежно терпят поражение: ни в одном из писем Гоголя, как и ни в одном из воспоминаний о нем его современников, никаких явных свидетельств подобного рода нет. Тем не менее, зная итальянский язык, Гоголь мог познакомиться с текстом «Декамерона» в оригинале во время его пребывания в Италии. Однако сам писатель не раз говорил о том, что в связи с работой над «Мертвыми душами» он в этот период читал лишь одну книгу – «Божественную Комедию» Данте [9]. Вместе с тем не представляется возможным сомневаться в том, что Гоголь, так же, как и Пушкин, был знаком с переводами Батюшкова, о чем свидетельствует наличие в текстах писателя (например, в «Петербургских повестях») множества порой едва заметных инородных вкраплений, восходящих к книге Боккаччо.

Иными словами, обращаясь к проблеме роли «Декамерона» Боккаччо в формировании в русской словесности XIX века универсального мифа о Флоренции, нельзя игнорировать факт уникальной способности многих русских писателей первой половины XIX века – Пушкина, Батюшкова и особенно Гоголя – органично впитывать в себя чужую культуру, переживая любое иноязычное влияние как «квазирусское» явление. А потому искать свидетельства близости русских авторов итальянскому писателю нужно в самой ткани их художественных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хлодовский, Р. И. «Декамерон»: великая книга о большой любви / Р. И. Хлодовский // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/italy/hlodovskij-dekameron.htm/> – Дата доступа: 15.02.2016.
2. Боккаччо, Д. Декамерон / пер. с итал. Н. Любимова, [пер. стихов Ю. Корнеева]. – Минск : Полымя. – 1985. – 541 с. (Б-ка отеч. и заруб. классики).
3. Голенищев-Кутузов, И. Н. Данте в России / И. Н. Голенищев-Кутузов Творчество Данте и мировая культура. – М. : Изд-во ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 1971. – 563 с.
4. Кара-Мурза, А. А. Знаменитые русские о Флоренции / А. А. Кара-Мурза. – М. : Независимая газета, 2001. – 352 с.
5. Батюшков, К. Н. Сочинения : в 2 т. / К.Н. Батюшков. – М. : Художественная литература. – 1989. – Т. 1. – 718 с.
6. Гребнева, М. П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности / М. П. Гребнева. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2009. – 182 с.
7. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в десяти томах / А. С. Пушкин. – М. : Гос. изд-во худож. лит-ры. – 1962. т.6 – 583 с.
8. Буслаев, Ф. И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / Ф. И. Буслаев. – М. : Русск. книга, 2003. – 606 с.
9. Гоголь. Воспоминания. Письма. Дневники. – Гиппиус Василий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [/www.e-reading.club/book.php?book=96390](http://www.e-reading.club/book.php?book=96390). – Дата доступа: 15.02.2016.